

Годъ тридцать пятый.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1897

12.

Стр.

473. Царица Евдокія Лук'янновна Стрѣшневыхъ. Статья Александры Александровны Милорадовичъ.

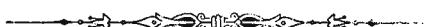
501. Изъ бумагъ графа Н. П. Шереметева. (Письма къ нему разныхъ лицъ и переписка его съ А. Ф. Малиновскимъ).

517. Записки графа М. Д. Бутурлина, 1845—1849. (Всятіе имѣнія въ опску. — Жизнь въ Петербургѣ. — Преосвященный Ирипархъ.—Рестовраторство картинъ.—Послѣднія судьбы. Леона Капенштейна.—Князь К. А. Черкасскій.—Княгиня М. П. Волконская.—Садоводство.—Князь Н. Я. Голицынъ).

598. О разбойнико Кударѣ (Древняя рукопись). Р. Л. Маркова.

614. Ю. Н. Бартеневъ по его бумагамъ. Ю. В.

660. Дополненія и поправки.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1898 г.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1897.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ЛУКЬЯНОВНА СТРѢШНЕВЫХЪ.

Вторая супруга царя Михаила Феодоровича.

(Посвящается матери моей Ольгѣ Васильевнѣ Васильчиковой).

Женственно-царскій обликъ Царицы Евдокіи Лукьяновны величаво возстаетъ на фонѣ Исторіи, окруженный тройнымъ ореоломъ: величія, красоты и благочестія.

Она выдѣляется ярче, жизненнѣе другихъ царицъ. О ней сохранилось болѣе подробностей, до насъ дошло изображеніе ея прекраснаго лица, мы знаемъ на перечеть ся дорогія ферязи и шубки; шествуемъ вслѣдъ за нею на ея частыя богомолья, участвуемъ въ ея радости при рожденіи дѣтей, слышимъ ея горе при ихъ кончинѣ, и имя ея уже не дѣйствуетъ на насъ однѣмъ только звуковымъ впечатлѣніемъ, а будить въ насъ понятіе о комъ-то извѣстномъ и любимомъ.

Царица Евдокія счастлива: ее не только возлюбилъ молодой царь и почитали современники, но и послѣдующія поколѣнія сохранили къ ней благоговѣйную память. Народная фантазія избрала ее излюбленной своей героиней, вслѣдствіе чего легенды обаятельнымъ кругомъ обступили царицу и придаютъ ей болѣе яркія и плѣнительныя черты. Преданія эти, если и не представляютъ дословной точности въ рѣчахъ и подробностяхъ, рисуютъ намъ ее по крайней мѣрѣ такой, какою она являлась современникамъ и потому драгоценны, какъ вѣрная оцѣнка ея личности. Впрочемъ легендой украшается только ея избраніе и идеализируется личность ея отца; вся же остальная подробности о царицѣ незыблемо покоятся на архивныхъ документахъ и несчетнымъ сокровищемъ собраны въ книгахъ И. Е. Забѣлина о бытѣ Русскихъ царей и царицъ и въ *Дополненіяхъ* къ Дворцовому Разрядному Книгамъ.

Стрѣшневы принадлежали къ старымъ дворянскимъ служилымъ родамъ и прославились извѣстностью изъкоторыхъ своихъ членовъ, еще до избранія въ царицы Евдокіи Лукьяновны. Родоначальникъ ихъ III, 31

Дмитрій Яковлевичъ быль воеводою въ Плоцкѣ и выѣхалъ изъ Польши въ Россію при Ioаннѣ III (Домъ Романовыхъ; Фридебурга). Въ 1543 г. одинъ изъ Стрѣшневыхъ Филиппъ быль посланъ дьякомъ въ Великіе Луки для переговоровъ о мирѣ съ Польскими послами, а въ 1549 г. ему поручили при сдачѣ Ревеля описать и приять весь воинскій спарадъ, находившійся въ городѣ (Родословная кн. Долгорукова, 411). Сынъ его Иванъ Филипповичъ быль дворцовымъ дьякомъ при Ioаннѣ Грозномъ; правнукъ его „Иванъ болыший Филипповичъ“ думнымъ дворяниномъ при царь Шуйскомъ и въ междуцарствіе. Въ 1613 году мы видимъ родного дядю царицы Федора Степановича выборнымъ отъ города Мещевска на Земскомъ Соборѣ, для избранія въ цари Михаила Феодоровича; въ 1615, 1616 и 1617 годахъ онъ быль воеводою въ Лихвинѣ (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида стр. 12, Разрядная книга т. I, 78, 189), гдѣ въ 1616 г. мужественно отсидѣлся отъ Лисовскаго. «Сентября во 2-й день за часъ до свѣта пришли къ Лихвину Лисовской съ Литовскими людьми и къ Лихвину приступили жестокими приступы всѣми людьми; и онъ Федоръ, прося у Бога милости, въ Лихвинѣ въ маломъ острожкѣ (крепости)... съ Литовскими людьми бился съ утра и до седьмого часа дня. Божію милостью и государевымъ счастьемъ отъ Литовскихъ людей въ маломъ острожкѣ отсидѣлись и Литовскихъ людей на приступахъ многихъ побили и переранили». За эту службу дана ему прибавка въ помѣстномъ окладѣ 100 четей (четъ размѣръ земли тогдашній) и въ жалованьѣ 18 рублей. Но Федоръ Степановичъ Стрѣшневъ остался недоволенъ этой наградой и былъ челомъ Государю о пожалованіи ему на ряду съ прочими воеводами шубой да кубкомъ, и царь, выслушавъ его выпись, за прежнюю его Лихвинскую службу велѣлъ ему придать «помѣстя 100 четвертей, денегъ изъ четверти 25 рублей, да съ казеннаго двора жалованья дать: отласъ золотой въ 50 рублей, да 40 соболей въ 60 рублей (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида, стр. 13—14). Брать его Серій Степановичъ быль въ 1615 году воеводою въ Алексинѣ, а въ 1618 году замѣщенъ въ этомъ городѣ братомъ Иваномъ, самъ же переведенъ въ Воронежъ. Двоюродные братья ихъ: Иванъ Филипповичъ въ 1606 г. быль думнымъ дворяниномъ, а въ 1609 г. Устюжскимъ воеводою (Исторические Акты, т. II, стр. 160, другой Василій Ивановичъ быль въ 1617 году спальникомъ Государя и пожалованъ имъ въ Январѣ 23 дня четырьмя аршинами сукна лундышу¹⁾ сизового, цѣна по рублю по 10 алт. аршинъ, а въ 1618 году Іюля 27 дня налоготниками стальными «до-

¹⁾ Лундыши-Лундское (Лондонское) или Англійское сукно; лучшими цветами лундыша считались червчатый, желтый, свѣтлозеленый, синий; въ дешевыми черный и лазоревый (Савваитовъ 214).

рощеты, павожены золотомъ» (Дополненіе къ Дворцовому Разрядному, стр. 85 и 134) что доказываетъ, что онъ былъ у царя въ милости за 8 лѣтъ еще до избрания въ царицы Евдокіи Стрѣшневой. Изъ другихъ Стрѣшневыхъ Матвій Феодоровичъ былъ назначенъ въ 1618 г. защищать Новодѣвичій монастырь, а Илья Афанасіевичъ находился въ 1615 году осаднымъ головою въ Мещевскѣ (Разрядная книга т. I, стр. 78). Мещовскъ уѣздный городъ Калужской губерніи былъ роднымъ гнѣзdomъ Стрѣшневыхъ; вокругъ него въ сосѣдствѣ стараго Мещовскаго монастыря на рѣкѣ Нисѣ расположились ихъ помѣстья, а въ Рождественскомъ Георгіевскомъ монастырѣ находилась ихъ усыпальница, въ ризницѣ которой хранились ихъ вклады; въ память своихъ предковъ Евдокія Лукьянинова содѣлается благотворительницей этой обители (Л. С. Стрѣшневъ, арх. Леонида, стр. 17). Четвертый братъ Стрѣшневыхъ Лукьянъ Степановичъ въ 1614 году служилъ въ Дорогобужѣ, гдѣ завѣдовалъ обозомъ въ отрядѣ Василія Петровича Шереметева, двоюроднаго племянника Федора Ивановича Шереметева (Родъ Шереметевыхъ томъ III, стр. 55). Находясь въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Лукьянъ Степановичъ, по возвращеніи съ похода домой, принужденъ быть собственными руками воздѣлывать небольшой участокъ земли. Можно предположить, что эта бѣдность послѣдовала послѣ Литовскаго разоренія; такъ думаетъ арх. Леонидъ и прибавляетъ, что родовое село его отца Мурхвики на рѣчкѣ Нисѣ, уже въ 1626 году называется *пустошью*, въ силу чего Лукьянъ Степановичъ могъ переселиться въ другое свое помѣстье въ Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ засталъ его 1626 годъ.

Отъ жены своей Анны Константиновны (кто она была родомъ, неизвѣстно; арх. Леонидъ предполагаетъ, что она была сестрою кн. Г. К. Волконскаго, основываясь вѣроятно на одноименности ихъ отцевъ и на томъ, что царскій любимецъ имѣлъ помѣстья въ Мещовскомъ уѣздѣ вблизи Стрѣшневыхъ) Лукьянъ Степановичъ имѣлъ 5 членовъ: 1) Семена, женившагося на княжнѣ Марії Алексѣевнѣ Лыковой и скончавшагося въ 1666 году, 2) Ирину за Елизаріемъ Чебуковымъ, 3) Феодосію за Иваномъ Навловичемъ Матюшкинымъ, 4) Евдокію—царицу, 5) еще дочь за Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ (Родословная П. Долгорукова стр. 411). Не будучи въ состояніи самъ возрастиТЬ всѣхъ дѣтей, онъ помѣстилъ среднюю дочь Евдокію на воспитаніе и услуженіе къ однимъ богатымъ отдаленнымъ родственникамъ. Кто была эта семья? Архимандритъ Леонидъ, въ своей интересной статьѣ о Лукьянѣ Стрѣшневѣ, указываетъ на домъ князя Григорія Константиновича Волконскаго окольничаго († 1634), въ коемъ онъ уга-

дывает брата Анны Константиновны. Дарвиль, авторъ «Les fastes de l'Empire de Russie», на стр. 86, наоборотъ говоритъ, что Евдокія Лукьянновна проживала у Шереметева (Фридебургъ, домъ Романовыхъ); того же мнѣнія Шведъ Страленбергъ (Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia Stockholm 1730; на стр. 211 онъ еще точнѣе Дарвиля утверждаетъ, что Евдокія Лукьянновна была съюно дѣвушкою (Sammer-Freulein) во дворѣ боярина Федора Ивановича Шереметева¹). Уже видно было раньше, что Лукьянъ Степановичъ въ 1614 году служилъ въ отрядѣ Василія Петровича двоюроднаго племянника Федора Ивановича Шереметева (родъ Шереметевыхъ т. III) и такимъ образомъ былъ знакомъ этой семьеъ, а по преданію и въ родствѣ съ нею.

Кто бы ни были родственники, пріютившіе Евдокію, господствующій строй въ ихъ домѣ былъ строго нравственный, чтѣ сильнѣо отразилось и на воспитаніи Евдокіи. Обучили ли ее тамъ грамотѣ, трудно сказать, ибо неизвѣстно писаны ли сохранившіяся письма ею собственноручно или подъ диктовку, но врядъ ли ею самой; за то вынесла она оттуда привычку къ строгому порядку и усвоила блестящимъ образомъ искусство вышивать въ пальцахъ, чтѣ такъ цѣнилось въ женскомъ воспитаніи того времени. Преданіе однако говоритъ, что жить тамъ Евдокіи было нелегко ради строптиваго нрава своей сверстницы-боярышни, отъ которой она главнымъ образомъ зависѣла; рѣдкій день проходилъ для нея безъ огорченія и слезъ. Не подлежитъ почти сомнѣнію, что эти непріятности были преувеличены, а можетъ и вовсе выдуманы послѣ избранія Евдокіи, чтобы еще болѣе яркимъ контрастомъ оттѣнить ея скромное положеніе до брака съ выпавшимъ на ея долю счастіемъ послѣ избранія. Во всякомъ случаѣ является интереснымъ узнать подробнѣе кто была молодая боярышня. У Федора Ивановича Шереметева было 3 дочери. Но это не могла быть старшая Евдокія Федоровна, ибо уже въ 1622 году, за 4 года до избранія въ царицы Евдокіи, она была выдана за стольника князя Никиту Ивановича Одоевскаго. Вторая дочь Анна весьма рано постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ что вѣроятнѣе всего то была третья его дочь Ульяна, вышедшая не ранѣе 1627 года за Семена Васильевича Головина; чтѣ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что Ульяна была съ другими 60 боярышнями на царскихъ смотринахъ въ 1626 году. Что же касается якобы притѣсненій, причиняемыхъ ею Евдокіи Лукьянновѣ, то одно уже то, что Ульяна Федоровна пользовалась впослѣдствіи при дворѣ особынѣмъ уваженіемъ и бывала звана къ царицыному столу на ея половину, достаточно опровергаетъ ихъ (Родъ Шереметевыхъ т. III, стр. 127).

¹) Родъ Шереметевыхъ, т. III.

Межу тѣмъ шель 1626 годъ, и царь Михаилъ, желая вступить во вторичный бракъ, благословившись у родителей, повелѣлъ представить ему къ означеному сроку 60 пригожихъ дѣвицъ изъ знатныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ. Въ извѣстный день молодыя дѣвшушки привезены въ царскихъ повозкахъ на смотрины во дворецъ, по осмотру всѣ одарены царемъ и временно отпущены къ роднымъ; паканунѣ же рѣшительного выбора вновь доставлены родственницами въ царскія палаты. Онъ явились въ богатыхъ одеждахъ, пожалованныхъ имъ Государемъ, представлены царицѣ инокинѣ Мареѣ Ивановнѣ и оставлены во двориѣ, гдѣ имъ отвели особый просторный покой съ кроватями вдоль стѣнъ для ночлега; при каждой боярышнѣ оставлено по одной только служанкѣ, для услугъ и собесѣданія, а матери и прочія родственницы отпущены по домамъ. Въ полночь царь Михаилъ Феодоровичъ, въ сопровожденіи своей матери, вошелъ въ горницу невѣсть и каждая изъ нихъ поочередно проходила передъ царемъ и кланялась ему въ ноги (Гейденталусъ, Быть Русскихъ Царницъ, 225). Царь обыкновенно жаловать каждую изъ нихъ богато распѣтымъ золотомъ и жемчугомъ платкомъ; но не одну изъ нихъ не подариль онъ восхищеніемъ взоромъ, и ни одна изъ нихъ не всколыхнула сладостнымъ трепетомъ его молодой груди.

Скромно въ сторонкѣ, съ почивальными платьемъ своей баярыши стояла между тѣмъ молодая прислужница Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева.

Темная, какъ соболь, бровь густымъ чернымъ бархатомъ выдѣлялась на нѣжной бѣлизнѣ ея спокойнаго чела и плавной дугой окружлялась падь прекрасными продолговатыми темными очами. Правильный носъ съ немногими втянутыми тонкими ноздрями, выразительный ротъ съ не то сдержаннѣмъ, не то ласково застѣнчивымъ выраженіемъ сочныхъ яркихъ какъ вишни губъ, изящно округленный обликъ лица, все было прекрасно и вѣжно и дополняло одно другимъ женственную красу ея чисто Русскаго лица (см. современныя ея портреты). «Бѣ добро-зрачна и совоизвѣстна», говорить современникъ (Чтенія Ист. Ощества при Москов. универс. 1892, книга 2, стр. 2). Росту она была высокаго съ полной шеей, очень высокой грудью и тонкимъ перехватомъ у кистей рукъ (см. записи Кроильныхъ книгъ въ «Быть Русскихъ Царницъ», 154—155), въ ея шубѣ отъ плеча до пола 2 аршина, въ воротѣ 9 вершковъ въ плечахъ 1 арш. съ полувершкомъ. Одѣта она была просто, какъ подобало служанкѣ, одежду которыхъ составляли шубка, шапка и жолтики (высокіе жолтые сапоги). (Быть Русскихъ Царницъ, 553). «Не дорога-де она государыня, знали онъ ее, коли она

хаживала въ жолтикахъ», помнили долго потомъ ея постельницы (тамъ же, стр. 228—553).

На эту то смиренную служанку и перевелъ постепенно царственныи женихъ свои восхищенные взоры, оставивъ безъ вниманія выряженыхъ и выхоленыхъ боярышень, которыхъ сверкающею вереницей все проходили и проходили предъ нимъ....

Въ задумчивости вышелъ царь изъ дѣвичьяго покоя и на вопросъ его матери, кого онъ избралъ, отвѣчалъ, что выборъ его падъ на служанку. Съ негодованіемъ выслушала это признаніе гордая старица; но напрасно старалась она поколебать рѣшеніе сына, напрасно силилась доказать, что этимъ избраніемъ онъ оскорбить бояръ и князей, дочерей которыхъ обходитъ для служанки; покорно, но твердо настаивалъ Михаилъ Феодоровичъ на своемъ со слезами уговаривая матъ....

Медлить между тѣмъ было уже невозможно, почъ выбора была на исходѣ, и съ появлешіемъ зари надлежало торжественно объявить имя царской невѣсты. Разспросивъ подробнѣ о счастливой избранницѣ и узнавъ о ней одно лишь хорошее, Мареа Ивановна и Филаретъ Пикитичъ рѣшились благословить сына. Съ восходомъ солнца Евдокія Лукьяновна объявлена всенародно невѣстою царя Михаила Феодоровича, и толпа народа, тѣснившаяся у Красной площади, сливала свои радостные клики «Многая лѣта Государю съ невѣстою его» съ праздничнымъ перезвономъ Московскихъ колоколовъ, торжественный гулъ которыхъ разливался надъ городомъ и, ликуя своими тысячными мѣдными голосами, далеко разносилъ вѣсть о молодой царицѣ. Легко представить себѣ, что творилось въ сердцѣ юной невѣсты. Вчера она заснула будной служанкой, сегодня просыпается царскою избранницею; ее окружаютъ предупредительно-заботливою толпою, несутъ драгоценныя цвѣтные одежды, хлоючутъ вырядить ея природную красу, такъ глубоко тронувшую сердце царское, величатъ царевною, зовутъ къ царственному жениху въ его свѣтлыя палаты (Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, арх. Леопида, по преданію прошлаго столѣтія Берхъ и Глинка).

Долго не вѣрить Евдокія долетавшимъ до нея словамъ, которыя кажутся ей какими-то странными, непонятными звуками, по цакопецу встаетъ со своей постели и въ глубокомъ душевномъ волненіи, дрожащими стопами едва можетъ приблизиться къ образу Богоматери, который всегда при себѣ имѣла. Передъ святою иконою опустилась она па колѣни и съ прерывающимся отъ рыданій голосомъ воскликнула: «Царица Небесная! Ты призвала па смиреніе рабы Твои!» (тамъ же). Облеченнуя въ свѣтлыя одежды Евдокію препроводили во

дворецъ, гдѣ ее ожидали бояре и вельможи для принесенія ей поздравленія, «а напередъ государской радости (свадьбы) за три дня, ввели государыню въ царскіе хоромы и нарекли невѣстою (Двор. Разрядныя, т. I 7.63). Ей представили боярышень и княжень, прѣѣхавшихъ на смотрины за одно съ нею. По смиренію своему она не допускала ихъ къ рукѣ, а привѣтливо обнимала каждую; но послѣдняя изъ молодыхъ дѣвушекъ стояла обѣятая трепетомъ и не смѣла подступить къ Евдокіи, наконецъ упала ей въ ноги и сквозь слезы промолвила: «Государыня, прости меня! Я виновата передъ тобою, не припомніи лихости моей!» Царевна съ ласкою приподняла свою родственницу и кротко проговорила: «прости и меня, если я чѣмъ тебѣ досадила, а тебя Богъ проститъ! Я помню твою хлѣбъ-солѣ; я возросла у твоихъ родителей въ домѣ» и, одаривъ ее, милостиво отпустила (древнее преданіе смотр. Л. С. Стрѣшнева арх. Леонида). Вотъ какими словами преданіе передаетъ о свиданіи Евдокіи Лукьяновны съ Ульяной Федоровной Шереметевой (Дорвиль, Страненбергъ). Ничего нѣть удивительнаго, что боярышня смущилась, увидавъ свою сверстницу и бывшую служанку въ вѣнцѣ царевны, нареченную невѣстой царя; понятно, что она съ неизвѣльнымъ опасеніемъ спрашивала себя, всегда ли она была къ ней справедлива и ласкова и чувствовала себя стѣсненной передъ царевной, вспоминая свое прежнее надѣе нею превосходство; но изъ этого нельзя еще заключить, чтобы она злоупотребляла своею властью, и полныя смиренія слова Евдокіи, которая, кончая съ прошлымъ, желала и себѣ выпросить прощеніе, чтобы все покрыть любовью, вполнѣ гармонируютъ съ рѣчью Шереметевой.

Послѣ обрученія, совершенного патр. Филаретомъ, отправили посланныхъ съ богатыми дарами къ Лукьянѣ Степановичу Стрѣшневу, отцу невѣсты. Преданіе говоритъ, что помѣстье Стрѣшнева находилось въ Можайскомъ уѣздѣ, но видно было раньше, что Стрѣшневы жили въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи. Извѣстный археологъ архимандритъ Леонидъ полагаетъ, что это либо описка писца XVII столѣтія, либо въ Литовское разореніе родовое помѣстье Лукьянна Степановича было опустошено и онъ вынужденъ былъ переселиться въ другое свое или женило помѣстье въ Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ его могло застать избраніе дочери въ 1626 (Л. С. Стрѣшневъ, стр. 16—17). Будемъ продолжать устами преданія. Достигнувъ мѣста, гдѣ жилъ Стрѣшневъ, посланные искали его дома. Имъ указали на избушку, крытую соломой. У воротъ стоялъ слуга и исправлялъ борону. На ихъ вопросъ, гдѣ хозяинъ, они узнали, что въ полѣ на работѣ (очевидно маленькое отступленіе отъ истины въ преданіи, ибо едва ли можно пахать въ концѣ

Января или самомъ началѣ Февраля, когда снѣгъ покрываетъ землю; но если ошибка вкрадась въ подробность, цѣлое отъ этого не страдаетъ и дѣйствительно Лукьянъ Степановичъ могъ обрабатывать свою землю, до избрания въ цары дочери, хотя не бывъ занять этимъ въ минуту прибытия пословъ). Царскіе посланные приказали вести себя къ нему; но слуга сказалъ, что долженъ прежде довязать борону, такъ какъ безъ нея нельзя ему показаться хозяину. Окончивъ свое дѣло, онъ побѣхалъ съ бороной въ поле, за нимъ пошли слуги царскіе, и вскорѣ увидали статнаго старика съ большой бѣлой окладистой бородой, въ кафтанѣ домашняго, суроваго холста, пролагающаго новую борозду. Поровнявшись съ посланными, онъ отеръ полотенцемъ потъ съ лица, поклонился имъ и, на мигъ съ удивленіемъ на нихъ поглядѣвъ, продолжалъ начатый трудъ свой. Посланые почтительнѣо его обступили и сообщили о избраніи его дочери въ царскія невѣсты. «Конечно вы отправлены къ кому нибудь иному, а не ко мнѣ», возразилъ онъ, «пѣть ли другого Стрѣшнева? А меня зовутъ Лукьяномъ Степановыемъ». Но слы разворотили царскую грамоту, на его имя писанную. «Не смѣю прикоснуться», отвѣчаетъ Стрѣшневъ, не будучиувѣренъ въ точной истинѣ. Прошу пожаловать ко мнѣ въ домъ и тамъ подождать меня; тамъ разберемъ дѣло, и вы узнаете, что я вѣрою не тотъ, кого вамъ надобно. А теперь дозвольте мнѣ донахать мою ниву, пока погода хороша, да и солнце уже на закатѣ. Но слы всячески убѣждали его принять отъ нихъ грамоту. Прочитавъ опюю, Стрѣшневъ призадумался и, приказавъ слугѣ допахать и заборонить полосу, пошелъ провожать людей царскихъ въ свою избу. Войдя въ горницу, онъ положилъ грамоту подъ иконы и, ставъ на колѣни, воскликнулъ: «Боже всесильный, изъ ничего свѣтъ создавшій, возводяй меня отъ бѣдности къ изобилию. Сердце чисто и духъ правъ утверди во мнѣ! Подкрѣпи меня десницаю Твою, да не развращуся посредъ честей и богатства, Тобою мнѣ, можетъ быть, во искушеніе ниспосыпаемыхъ». По окончаніи молитвы Стрѣшневъ предложилъ своимъ гостямъ раздѣлить его скромную трапезу. На утро онъ пошелъ въ церковь, отслужилъ молебень, прѣяль благословеніе отъ духовнаго отца своего, простился по братски съ сопѣдями и, надѣливъ ихъ чѣмъ могъ, направился къ Москвѣ. По прибытии въ столицу, Лукьянъ Степановичъ встрѣченъ былъ въ воротахъ съ великою честію. Блестящее шествіе, открывавшееся рындами, окольничими и боярами, предшествовало ему; царскіе стременные вели подъ узцы его коня, стольники, воеводы, назначенные по уряду, провожали его до Грановитой палаты. Самъ Государь вышелъ къ нему за золотую рѣшетку на красное крыльцо и, не давъ ему поклониться до земли, повелъ его въ свои свѣтлые терема, гдѣ дочь его вмѣстѣ съ Мареей

Ивановной ожидала его пришествія. Поклонившись государевої матери, онъ обратилъ взоры свои на дочь. Евдокія стояла молча въ неизреченої радости, смишанной съ иѣкоторой робостью; изъ устремленныхъ на отца очей капали одна за другой тихія слезы радости, и въ отвѣтъ на его слова «здравствуй, дочь любезная!» она поклонилась ему въ ноги и поцѣловала его руку. Ничѣмъ не выдалъ Стрѣшневъ передъ Государемъ волненія своего сердца, только краска залила его старческое лицо, но когда царь съ матерью удалились, отецъ и дочь упали въ объятія другъ къ другу и плакали. «Родитель мой, мнѣ п па мысль не приходило, чтобы я могла быть царскою невѣстою», воскликнула Евдокія. Много говорилъ ей отецъ о величинѣ и отвѣтственности, ея обязанностяхъ и молился, дабы Господь вразумилъ и укрѣпилъ Евдокію. Преданіе еще добавляетъ, что однажды Лукьянъ Степановичъ принесъ царицѣ въ даръ небольшой старый ларецъ и просилъ ее принять его въ залогъ любви родительской. Когда царица приняла его въ руки, Лукьянъ Степановичъ открылъ его и вынулъ оттуда суровый холстинный каftанъ, сотканный руками ея матери, въ которомъ онъ пахалъ землю, когда пришла вѣсть о ея избраніи въ царицы, и полотенце, которымъ утирался, когда работалъ въ потѣ лица своего. Онъ еще прибавилъ, что въ этомъ маломъ ларцѣ заключалось все приданое ея матери. Онъ просилъ навсегда беречь этотъ ларецъ и помнить, чья она дочь и въ какой бѣдности родилась: «ибо эти мысли болѣе и болѣе соединять тебя съ человѣчествомъ; чѣмъ чаше ты будешь видѣть сіи дары, тѣмъ скорѣе содѣласъся матерью народа». Господь Богъ порукою тебѣ въ томъ, что дочь твоя пребудетъ всегда достойною любви твоей и благословенія, отвѣчала царица (Л. С. Стрѣшневъ, изъ сборника прошлаго столѣтія, арх. Леонида). Самъ Лукьянъ Степановичъ хранилъ въ пожалованномъ ему царемъ домѣ свои хлѣбопашескія орудія и на почетномъ мѣстѣ разостлавъ старый коверь, доставшійся ему въ наслѣдство отъ отца. Самымъ приближеннымъ къ нему человѣкомъ изъ его прислуги остался его деревенскій сотрудникъ и слуга. Въ старомъ кожаномъ своемъ молитвенникѣ, гдѣ его рукою были написаны утреннія и вечернія молитвы, онъ приписалъ въ концѣ «Лукіанъ, помни, чтѣ ты былъ!» Онь пристроилъ всѣхъ дѣтей и дождался отъ нихъ внуковъ, пожалованъ на свадьбы дочери стольникомъ, въ 1630 году окольничимъ, а въ 1634 бояриномъ, въ 1646 держалъ вѣнецъ надъ головою внука своего Алексея Михайловича и скончался въ 1650 году, переживъ на пять лѣтъ царственную дочь свою; погребенъ въ Мещовскомъ Георгіевскомъ монастырѣ. (Берхъ, Глинка, арх. Леонидъ).

Царскую свадьбу отпраздновали въ Воскресеніе, 5 Февраля. Напередъ того «совѣтовавъ государь царь и великий князь Михайло Феодоровичъ всея Русіи съ отцемъ своимъ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи, указалъ на ихъ Государской радости боярамъ и окольничимъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ, которые будутъ въ чинахъ быть безъ мѣсть и велѣль поименно указать кому быть въ свадебныхъ чинахъ и указъ свой подписать думнымъ дьякамъ Ивану Грамотину да Федору Лихачеву и приложить къ нему государскую печать, для того, говорится въ Дворцовой Разрядной, чтобы никому не считаться въ отечествѣ и жалобъ ни у кого не принимать. Февраля въ пятый день, въ «недѣлю» т. е. въ Воскресеніе, Михайло Феодоровичъ, отслушавъ раннюю обѣдню, отправился къ отцу своему святѣйшему патріарху Филарету просить его благословенія на предстоявшій бракъ. До пась дошла дословно его немного формальная рѣчь. «Великий Государь святѣйший патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи! По волѣ вселагаго и всесильнаго въ Троицѣ Славимаго Бога нашего и по совѣту и по благословенію васъ, великаго государя отца нашего и матери нашей великой государыни инокини Марѣи Ивановны, произволили есми сочтати ся законному браку и день радости нашей нынѣ, и тебѣ бъ великому государю, отцу нашему, пась сына своего, благословити сочтати ся законному браку по апостольскому преданію и святыхъ отецъ правилъ». На это Филаретъ Никитичъ вдохновенно воскликнуль: «Благочестивый и христолюбивый синь пашъ великий государь царь и великий князь Михайло Феодоровичъ всея Русіи. Всемогущій и неизреченій въ милости, въ Троицѣ славимый Богъ пашъ, иже соблюдашъ васъ, великаго государя, отъ чрева матери вашей за благочестіе царствомъ прослави и почтій васъ, той и нынѣ благословить тя, великаго государя причтати ся законному браку, по апостольскому преданію и святыхъ отецъ правилъ и подастъ тебѣ государю и супругѣ твоей царицѣ Евдокії долготу лѣть живота вашего и благословить васъ благословеніемъ послѣднимъ, ему же нѣсть премѣненія, и подастъ вамъ благородная чада, яко же Аврааму и Саррѣ Исаака и Исааку Іакова и Іелкану и Аниѣ чуднаго Самуила и прочимъ древнимъ отцамъ Богу угодившимъ, и да узриши сыны сыновъ своихъ и дщери дщерей твоихъ и благочестивое ваше царство соблюдетъ ото всѣхъ вашихъ враговъ ненавѣтно, распространить и умножить отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя». Сказавъ это, патріархъ осѣнилъ сына своего образомъ Корсунскія Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ серебряной оправѣ (обложенъ серебромъ со сканью Двор. Разр. I 764—765). Послѣ того Царь въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ,

думныхъ людей и дворянъ ходилъ молиться въ Чудовъ монастырь, въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, гдѣ совершалъ надъ могилами літіи (Котошихинъ) и учинялъ у гробовъ прощеніе (тамъ же). Не пройдена была и ранняя могила его молоденькой невѣсты-жены царицы Маріи Владимировны, которая кроткимъ видѣніемъ едва коснулась его жизни и дѣтскія черты которой уже начинали блѣднѣть въ его памяти. Изъ собора Михаилъ Феодоровичъ ходилъ въ келліи своей матери Великой Старицы и Царицы Марои Ивановны, жившей въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ помѣщепіи, занимаемомъ при Лжедмитріи царицей, инокиней Мароей Феодоровной Нагой. До настѣ не дошло подробностей объ устройствѣ ея комнать. Знаемъ только, что окна въ нихъ были слюдяныя, подушки для спанія изъ червчатой камки; окруженнная многочисленнымъ штатомъ изъ старицъ-инокинь и свѣтскихъ прислужницъ, дураками, юродивыми и карлицами, Мароа Ивановна обо всѣхъ нихъ заботилась, награждая щедро по мѣрѣ заслугъ, но сама была проста въ своихъ привычкахъ; посуда ея отчестіи была ценинна (глиняная съ голубой поливой), подносимые ей дары она большою частью не принимала или отправляла государю въ казну. Испытанная горемъ, лишившись пятерыхъ дѣтей, она всѣми силами своей цѣльной, глубокой натуры привязалась къ единственному своему сыну, царю Михаилу Феодоровичу, и ласково называвшись его въ своихъ вообще довольно лаконическихъ письмахъ «свѣтомъ своихъ очей» и «свѣтлымъ царемъ.» Благодаря сохранившемуся ея портрету, который своею своеобразною жизненностью отвѣчаетъ за сходство, мы такъ и видимъ передъ собою ея типичное старческое лицо съ иѣсколько тяжеловатымъ, по правильныхъ линій, обликомъ и крупными чертами. Густо нависшія брови сосредоточенно сдвинуты надъ умными, немного принцуренными, сѣровато-голубыми глазами. Ротъ довольно большой со складкою у угловъ и тонкими губами, изъ которыхъ нижняя немножко выдается впередъ, подбородокъ красиваго склада энергично очерченъ. На головѣ ея поверхъ тонкаго полотнянаго убрusa, который туго облегаетъ половину лба и склоняется подъ подбородкомъ и спадаетъ на грудь своими чистыми длинными складками, надѣта довольно высокая соболя шапка; на плечи накинута поверхъ черной рясы суконная шуба въ мелкихъ сборахъ, опущенная мѣхомъ. Правой рукой она держитъ четки и опирается на посохъ съ клювообразнымъ роговымъ набалдашникомъ; второй и четвертый палецъ этой руки украшены перстнями, одинъ съ большой бирюзой, сердцевидной формы, другой граненымъ яхонтомъ. Она иѣсколько согбенная и небольшаго росту (смотри въ материалахъ при «Быть Русскихъ Царницъ мѣру» ея одежды), здоровья была слабаго и подвержена вѣждествіе тяжелыхъ своихъ

испытаний въ молодости нервнымъ припадкамъ «портежной болѣзни». (Письма Русскихъ Государей, т. I, стр. 55). Невольная постриженница, она не вполнѣ соблюдала монашескіе уставы по отношенію своего платья; дома обыкновенно ходила въ ряскахъ черной камки съ зеленою или синею тафтиною опушкою, съ нашивкою спереди тридцати четырехъ пуговицъ; для выходовъ и приемовъ охабни ея шились изъ багроваго атласу или синяго Венеціанскаго бархата. Шубы у нея были одна черная тафтина на горностаяхъ, другая лисья, крытая обѣярью (муаромъ), таусиниою (темно-синею) (Хрущовъ, Ксения Ивановна Романова).

Пришедши къ старицѣ въ келью, царь просилъ у матери благословенія «и благородная государыня пнока Мареа Ивановна сына своего великаго государя женитися благословила» двумя иконами: образомъ Спаса «обложенъ сребромъ чеканомъ» и образомъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, украшенными самоцвѣтными каменьями.

И того дня радость государская была по ихъ государскому чину, какъ бывало у прежнихъ великихъ государей. Когда все было готово, царь вышелъ изъ своихъ покоеvъ, одѣтый въ золотой аксамитный кожухъ на соболяхъ (кожухъ—каftанъ, подбитый мѣхомъ, надѣвался на зицуnъ, украшался нашивками, кружевомъ и жемчугомъ, аксамитъ—серебряная или золотая ткань плотная и ворсистая какъ бархать) да въ шубу Русскую соболью крытую бархатомъ золотымъ, полы которой онъ заметалъ себѣ назадъ за плечи, поясь на пемъ былъ кованый золотой (Дворцовый Разрядный). Государю было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, современники хвалили красоту его лица и соразмѣрность сложенія: «образомъ красенъ и полонъ и собою во всякихъ мѣрахъ п разуменъ и въ обычаяхъ милостивъ». На дошедшыхъ до насъ его портретахъ видимъ его въ эту пору жизни. Своимъ широкимъ нѣсколько тяжеловатымъ окладомъ лица напоминаль онъ мать свою великую старицу, отъ нея же унаследовалъ густыя сдвинутыя, черныя какъ ночь, брови и чуть выдающуюся нижнюю губу. Труды и заботы его царствованія, казалось, наложили грустную тѣнь на чело и печалили взглядъ его темныхъ очей. Продолговатые усы оставляютъ уста открытymi. Небольшая бобровая борода красиво окаймляетъ его строгое, благообразное лицо. Онъ былъ очень набоженъ и нерушимо соблюдалъ всѣ церковныя наставленія, кротокъ. Олеарій говорить, что за цѣлья сто лѣтъ не припомнить на Руси такого кроткаго царя. Съ отцовскою заботливостью пекся о народѣ. Воображеніе имѣлъ впечатлительное и въ высшей степени поэтичное; оно вылилось въ его письмахъ къ го-

рячо любимому отцу, въ самыхъ разпообразныхъ, возвышенныхъ и идеальныхъ сравнипяхъ, который, подчиняясь вѣянію вѣка, посять на себѣ отпечатокъ церковности. То онъ называеть Филарета Никитича «истиннымъ столпомъ благочестія», «недремательнымъ окомъ» ««вождемъ своего спасенія», «богодухновеннымъ «въ человѣцѣхъ»», неблазннымъ по Христѣ страдальцемъ», «Кормчимъ Христова корабля», а то въ другой разъ такъ начиная письмо къ нему: «Превосходящему честію во святыхъ, по общему естеству человѣку, произволеніемъ же ангелу, Кормчю Христова корабля, въ тихости ученія, Того словесныя овцы во пристанище спасенія направляющу и на пажити спасенныхъ велѣній «соблюдающую». Онъ желаеть поклониться съ радостью его равноангельскому лицу и паче медоточныхъ страстей языка его словъ напаятися, пынѣ убо мысленно, тогда же чувственно и радостно его святительству членомъ ударити»; «желаемъ бо, святый владыко и государь мой пребородый, твой гласъ слышати яко желательный елень (олень) напаятися» и «испрашивая себѣ его молитвъ онъ такъ выражается: «во еже незабвеннымъ намъ быти предъ Богомъ во святыхъ вашихъ молитвахъ и твоя честныя молитвы молимъ, да послеши съ нами яко да будутъ намъ руководители и вожди нашего спасенія и вашихъ ради молитвъ да подастъ Господь Богъ воздуху ясницу и теплоту»; узнавъ о болѣзни отца подагрой, онъ сообщаетъ о своей *п.гачевной скорби* и прибавляется: «вкупѣжъ и ваше превосходящее святительство молимъ, да вослеш ко всемогущему Богу честныя ваша и Богу пріятныя молитвы; вѣруемъ бо, дражайшій нашъ отче и государь: аще и тѣлесно скорбіши и немоществуеши, но духовно зѣло бодрствуеши и вѣрою убо здравъ сый, мысленное око пресвятыхъ твоей души и сердечныя руцѣ певещенно со всѣми святыми воздѣжиши и яко не оставить насъ Богъ, молитвъ ради святыхъ своихъ, вѣрио Тому служащихъ въ преподобіи и правдѣ и твоего прошенія не презрить и свѣтолѣпное твое и равноангельное лицо сподобить насъ видѣти». А далѣе какимъ сильнымъ гармоничнымъ слогомъ, съ какимъ всплемъ любви излагаеть онъ свою и матери своей печаль по поводу той же болѣзни патріарха, «яко въ пучинѣ въ морской жалости нашей, яже о тебѣ, драгай нашъ отче, волнуемся и презѣльными (сильнейшими) волнами жалости нашей ударяемы есмы; и аще бы можно и *крылатымъ бытъ м.о.и.ись бы быти* и долготу пути преминувъ единаго часа равноангельному твоему лицу предстати». Какою трогательною дѣтской вѣрой дышать эти слова: если возможно бы сдѣлаться крылатымъ, онъ *м.о.и.ися бы* о томъ, дабы скоротить во единий часъ долгій путь. Онъ ни единаго часа не пропустить, чтобы не погорѣвать о болѣзни отца: «никакоже пріемлю малъ часъ безпамятствовати о вашей, государя мо-

его, пышней болѣзни» «желаніе сердца пашего еже зрети свѣтлѣпное лицо вашего честнѣйшества, яко медь сладокъ во устѣхъ нашихъ обносится, и хотящя быти радость отъ зреїнія очесъ нашихъ, внутренняя наша услаждаетъ». Какъ свѣтло онъ дальше выражается, что быль у всенощного пѣнія «молебныя благодаренія принести и священныя литургіи слышати сподобихомся и духовнѣ праздновахомъ».

На какой недосягаемой высотѣ сердечной чистоты могутъ развиться подобныя ощущенія и чувства! Поистинѣ можно сравнить ихъ съ бѣлосиѣжной лиліей, которая возсылаетъ сладостный ароматъ своего благоуханія къ звѣздному небу.

Михаилъ Феодоровичъ любилъ охоту на лосей и медвѣдей, по послѣ паденія съ лошади долго страдалъ болью въ боку (Письма Русскихъ Государей). Его тоже тѣшило единоборство его писарей и ловчихъ съ дикими медвѣдями, выходившихъ на нихъ съ рогатиною или вилами, и потерпѣвшихъ въ этой опасной игрѣувѣчье онъ щедро награждалъ. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ любилъ великолѣпие и являлся посланъ въ одѣждѣ, сверкающей самоцвѣтными камнями и жемчугомъ. На рукѣ онъ нашивалъ перстни; мы знаемъ объ одномъ съ алмазомъ и о другомъ съ маленькими часами внутри. (Дополненія къ Разряднымъ).

Когда Государь вышелъ изъ своихъ покоеvъ къ вѣнцу, передъ нимъ шли стольники (стольники посили ъесть и пить государю, въ торжественныхъ случаяхъ ихъ посыпали па посольство, сажали въ приказы и па воеводство) и дворяне, которые были въ поѣзданахъ (пазнѣченные сопровождать Государя верхами до церкви), а за ними шли бояре: князь Иванъ Никитичъ Одоевскій (меньшой † 9 Марта 1629). Князь Андрей Васильевичъ Сицкой (Жухлай † 1629. Сицкіе были въ свойствѣ съ Романовыми, одинъ изъ нихъ Иванъ Васильевичъ, дядя Андрея Васильевича, бысть женатъ па сестрѣ патріарха Филарета Ефиміи Никитичнѣ). Князь Андрей Васильевичъ Хилковъ († 1664). Окольничий Артемій Васильевичъ Измайлова (обезглавленный съ старшимъ сыномъ 8 лѣтъ спустя).

Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ упоминается въ Разрядной Книгѣ въ 1633 году, когда подвезъ къ Смоленску 100 четей сухарей па своихъ подводахъ, у него было прозвище *Костромитинъ*; въ 1633 же году, когда укрѣпляли Москву отъ Поляковъ, стоялъ па «башнѣ»; назначенный воеводою въ Шую въ 1635 тамъ же и умеръ въ этомъ году. У него служилъ краччимъ Илья Даниловичъ Милославскій будущій тестъ царя Алексія Михайловича (Родъ Шерemetевыхъ т. III, 55). За ними шли передъ самымъ Государемъ дружки, съ его стороны бояринъ

князь Дмитрий Маметрикович Черкаской (Каншовъ: Мурза † 1651 — жена — Елена Александровна) и бояринъ князь Дмитрий Михайлович Пожарский (знаменитый воевода въ 1612 году). Государя вель подъ руки тысяцкій (главный чинъ въ свадебномъ поѣздѣ) бояринъ князь Иванъ Борисович Черкаской (сынъ Хоропной Мурзы во св. Крещеніи Бориса Камбулотовича и Мареы Никитичны Романовой-Юрьевой, сестры патріарха Филарета, двоюродный братъ Государевъ, женатъ въ 1622 на красавицѣ Морозовой Авдотьѣ Василевнѣ † 1642). Всѣ эти бояре, стольники и дворяне были одѣты въ золото, въ черныхъ шапкахъ и въ ожерельяхъ (воротникахъ) стоячихъ и отложныхъ (отложной воротникъ имѣлъ форму матросскаго). Пришедъ въ Золотую палату, Государь поклонился иконамъ и сѣлъ на свое мѣсто на лавку на сколовые (длинная цилиндрическая подушка) изъ Персидскаго бархата, скамеечка подъ ногами или, какъ называли колодочка, была обита кѣтчатой золотой парчей (участковая золотная), всѣ лавки въ Золотой палатѣ накрыты были половочниками, втораго наряду. Надъ мѣстомъ Государя и по всѣмъ четыремъ стѣнамъ были поставлены иконы, а подъ ними повѣшены застѣнки (пелены), вынизанныя жемчугомъ (Дворцовыя Разрядныя 767).

И велѣлъ Государь своему посаженному отцу Ивану Никитичу Романову (родной дядя Государевъ) и тысяцкому князю Ивану Борисовичу Черкаскому (двоюродному брату Царя) и дружкамъ и боярамъ сѣсть въ большой лавкѣ, «а поѣзжанамъ въ другой лавкѣ». Посидѣвъ немногого, Царь послалъ царицыныхъ дружекъ боярина Михаила Борисовича Шеина да князя Романа Петровича Пожарского звать царевну на мѣсто въ Грановитую Палату. Грановитая Палата была украшена по свадебному. На главномъ мѣстѣ находилось *чертожное место*, обитое малиновымъ бархатомъ. На скамью положено было два сколовья бархатныхъ золотыхъ, узоръ которыхъ былъ выбранъ самимъ Царемъ и на каждомъ изъ нихъ по сороку соболей, а третій сорокъ соболей, чѣмъ опахивать молодыхъ, держаль у чертожного мѣста дѣякъ Андрей Подлѣсовъ. Надъ мѣстомъ и по четыремъ стѣнамъ сіяли иконы въ дорогихъ окладахъ съ подвѣшанными подъ шими застѣнками (пеленами) первого наряда; лавки покрыты были половочниками первого наряда изъ сукна съ вышитыми на нихъ львами. Передъ самимъ мѣстомъ придвигнуть было столъ, постланный тремя скатертями и уставленный перепечей (которую подносили Государю, Государынѣ и боярамъ) сыромъ, да солонкой соли. Передъ прочими скамейками стояли тоже столы съ перепечами и солоницами съ солью, но судковъ въ первый день не ставили. Въ это время на Царицыной половинѣ сваихъ

спаряжали невѣсту. Составитель Дворцовыхъ Разрядныхъ, который не даетъ почти никакихъ подробностей о Царицѣ Маріи Владимировнѣ во время ся свадьбы, съ особеннымъ усердiemъ упоминаетъ о Царицѣ Евдокіи. «А Государыню Царевну Евдокію Лукьянновну нарядили по ихъ государскому чину, какъ сї Государынѣ идти па място въ ся царицныхъ хоромахъ, въ платье и въ вѣнецъ золотой съ дорогимъ съ каменьемъ и съ жемчугомъ. И сидѣла Государыня до времени въ своихъ хоромахъ, а у ней свахи и боярыни». Картина очень полная, не лишенная подробностей въ описании даже наряда, чтò такъ рѣдко встрѣчается въ старинныхъ записяхъ по отношенію къ женскимъ лицамъ Царской семьи.

Одежда Евдокіи Лукьянновны состояла изъ Царскаго платна, родъ прямого каftана съ разрѣзнымъ передомъ, съ широкими не очень длинными рукавами обшитыми подобно подолу и переду широкой коймой, усаженной самоцвѣтными камнями; вокругъ шеи надѣвалось ожерелье, родъ пелеринки, богато - вынизанное жемчугомъ, волнистые волосы, изящно завитые въ кудри (Смотри Быть Русскихъ Царицъ 588), распустили по плечамъ, чело увѣничали золотымъ дѣвичьимъ вѣнцомъ, въ городахъ котораго переливались яркимъ огнемъ драгоценные камни. Къ вѣнцу прикрѣпленъ былъ сзади косникъ съ пятью золотыми запонами (запона—дорогой камень въ золотой оправѣ, Быть Р. Царицъ 591). Этотъ вѣнецъ хранился потомъ у Царицы въ ея казнѣ въ Новгородской коробѣ подъ печатью ея свекрови инокини Марыи Ивановны, въ 1629 году Іюля 5 эту коробю съ вѣнцомъ отнесъ къ Государю въ хоромы Федоръ Степановичъ Стрѣшневъ, и царь велѣль выпороть съ вѣнца и косника каменья и украсить ими свой вѣнецъ, чтò достаточно говорить за качество каменьевъ. (Быть Р. Царицъ, 591).

Одѣвъ Царевну, ее усадили въ парадное кресло и обступили заботливой толпой. Свахами у Государыни были Марья Михайловна Шеинъ и княгиня Авдотья Андреевна Пожарская, жена Романа Петровича; у Государя боярыня княгиня Олена Алексѣевна Черкасская и княгиня Прасковья Варѳоломѣевна Пожарская, жена Дмитрія Михайловича. Изъ всѣхъ этихъ женщинъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ Марья Михайловна Шеинъ, по превратности своей судьбы. Въ 1611 году она вмѣстѣ съ дочерью и сыномъ находилась въ Смоленскѣ во время геройской защиты его мужемъ ея отъ Поляковъ. Одинъ измѣнникъ указалъ Полякамъ на слабую часть городской стѣны, гдѣ они и открыли проломъ. Часть жителей заперлась въ Соборномъ храмѣ, который кто-то изъ Смолянъ поджегъ. Пожаръ распространился по всему

городу. Шеинъ съ женою, дочерью, сыномъ и немногими слугами бросился въ одну башню и началъ отстрѣливаться. Онъ рѣшился погибнуть; но слезы семьи, особенно маленькаго сына, измѣнили его рѣшеніе, и онъ сдался Потоцкому. Шеинъ бытъ послѣ пытокъ уведенъ въ Литву, сынъ взяты королемъ, а Марья Михайловна съ дочерью досталась въ плѣнъ Льву Сапѣгѣ, главному совѣтнику Польскаго короля *). Черезъ 9 лѣтъ они все получили свободу. Въ 1624 Марья Михайловна была свахою на первомъ бракѣ Михаила Феодоровича, въ 1626 на второмъ. Патріархъ Филаретъ жаловалъ Шеиновъ; такъ мы видимъ, что въ 1629 году онъ даритъ Шеина и его жену 10 аршинами куфтерю червчатой по рублю съ гривною аршинъ, да 10 аршинами куфтерю желтой по 40 алтынъ за аршинъ (Археологія города Москвы. И. Забѣлина, стр. 996). Въ 1633 году Шеину пришлось самому осаждать Поляковъ въ Смоленскѣ, но послѣ многихъ неудачъ онъ принужденъ былъ съ войскомъ отступить, за что въ 1634 году поплатился головою; той же участи долженъ былъ подвергнуться его сынъ, но по просьбѣ Царицы, царевичей и царевенъ казнь замѣнена ссылкой, и онъ съ матерью Марьей Михайловной и женою сосланъ въ Понизовые города (Соловьевъ, т. IX, стр. 211).

Скоро въ Царицыны хоромы вошли въ золотыхъ кафтацахъ ея дружки: Михаиль Борисовичъ Шеинъ и князь Романъ Петровичъ Пожарскій и отъ имени Царя звали ее въ Грановитую палату. Поднялась Царевна, и шествіе потянулось черезъ приходную палату и постельное крыльцо. Во главѣ хода были стольники Михаиль Васильевичъ Ольферьевъ и Дмитрій Михайловичъ Толочаевъ съ трехпудовою свѣчкою Государя, подъ которой держали фонарь стряпчіе Дмитрій Баимовъ сынъ Воейковъ да Нефедъ Кузминъ сынъ Мининъ. Свѣча Государыни вѣсила 2 пуда, ее несли Василій Ивановъ сынъ Стрѣшневъ (двоюродный дядя Евдокіи Лукьянновны († 1661) да Яковъ Михайловичъ Толочаевъ, фонарь подъ нею—стряпчіе (стряпчихъ было до 800 человѣкъ, они носили передъ Государемъ или скіпітъ, или шапку или платокъ, вообще что либо изъ стряпни, Котошихинъ), Феодоръ Андреевичъ Олябьевъ и Дорофей Шиповъ. Всѣ они были въ терликахъ на соболяхъ (длинные до пять кафтаны съ короткими рукавами), казенныихъ кожухахъ и черныхъ лисьихъ шапкахъ. На свѣчахъ были большие широкіе чеканные обручи изъ вызолоченаго серебра, и онъ обернуты были каждая парою соболей, у Государя въ 12 р. пары, у Государыни въ 10, этими соболями пожаловалъ Государь свѣчниковъ; на свѣчи обыкновенно надѣвали обручи и огибаліи соболями во время покрыванія го-

*.) Смутное время, у Иловайского 204—205.

ловы невѣсты, когда ихъ только что зажгутъ Богоявленской свѣтой (Древняя Россійская Вивліотика, т. 13, стр. 7). За ними съ Богоявленскою свѣтой, которою предназначено было зажечь Государевы свѣти, шествовалъ стряпчій Илья Кузьмичъ Безобразовъ, а съ обручальными свѣтами стряпчій Никита Феодоровичъ Шушеринъ, оба въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ (Дворцовая Разрядная, стр. 769). Далѣе съ караваемъ Государя на малиновыхъ бархатныхъ носилкахъ двигались стольникъ князь Федоръ да князь Петръ Феодоровичъ Волконскіе, Иванъ Ивановъ Чемодановъ и стряпчій Юрій Васильевъ Телепневъ; съ карааемъ Царицы шли стряпчіе Богданъ Алексѣевичъ Голохвастовъ (сынъ Алексѣя Ивановича, втораго осаднаго воеводы Троицкой лавры 1608—1610), Рафъ Родіоновичъ Всеволоцкій (отецъ злосчастной красавицы Ефиміи, невѣсты царя Алексѣя Михайловича), Степанъ Васильевичъ Телепневъ и Михаилъ Дурново (Михаилъ меньшой стряпчій въ 1617, стоялъ рындоу при встрѣчѣ Кизильбашскаго, т. е. Персидскаго посла. Разрядная книга т. I, стр. 410). Каравай эти были *общиты* червчатой камкой и украшены пашитыми на нихъ пенезями, счетомъ тридцать, одинъ пенезъ золоченый чеканный чередовался съ гладкимъ серебрянымъ пенеземъ и такъ до послѣдняго. Государевъ каравай накрыть былъ золотнымъ Турскимъ бархатомъ, а Царицынъ золотнымъ участковымъ (клѣтчатымъ) атласомъ. За каравайщиками шель съ осыпаломъ на золотой мисѣ думный дьякъ Федоръ Лихачевъ (Дьяки — секретари. Въ XVII вѣкѣ они составляли особое *приказное сословіе*, пѣчто среднее между дворянъ и торговыхъ людей; ихъ приготавляли къ дѣловодству по принятymъ формамъ, они занимали мѣста въ Московскихъ приказахъ, у воеводъ и пословъ. Тroe или четверо самыхъ изъ нихъ опытныхъ состояли при Думѣ Царской и именовались думными). А положено было на мису (большое глубокое блюдо) въ трехъ углахъ хмѣлю (на половину гривенки), 15 маковицъ, цѣна 4 денъги, 27 соболей, 27 бѣлокъ по 8 денегъ бѣлка, 27 платковъ изъ серебрянаго глазету въ золотыхъ разводахъ, пяти вершковъ длины и поларшина ширины, осемнадцать пенезей золоченыхъ чеканныхъ, да девять червонцевъ Угорскихъ. Все это вмѣстѣ называлось осыпаломъ и было разложено по тремъ угламъ, въ каждомъ углу по 9 соболей, по 9 бѣлокъ, по 9 платковъ, немного маку, хмѣлю да по 9 монегъ, затѣмъ все вмѣстѣ высыпалось на голову вмѣстѣ съ лоскутами (смотріи Олеарія, стр. 204).

За дьякомъ съ осыпаломъ шли Царевины дружки Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и Романъ Пожарскій. Да передъ Государынею берегли по обѣимъ сторонамъ путь, чтобы никто не переходилъ черезъ него, любимецъ Царскій, окольничій князь Григорій Константиновичъ Вол-

конской, да дъякъ Иванъ Болотниковъ; сзади нихъ кропиль дорогу святою водой Благовѣщенскій священникъ Иванъ Насѣдка и следовала поддерживаемая большими свахами, сияя красотой и дорогимъ вѣницомъ, сама Царевна. На лицевомъ подлиннику ея свадьбы изображена эта минута. У Царевны волнами падаютъ па плечи кудрявые темные волосы, поверхъ платна накинута подбитая мѣхомъ шуба; сопровождающая ее боярыни въ тѣлогрѣяхъ и шубахъ, па головѣ каптуры (мѣховая шапка съ невысокой цилиндрической тульей и съ тремя ушами ниспадавшими до плечъ на затылкѣ и по сторонамъ головы, покрывавшая часть лба и облегавшая обѣ стороны лица). На сапогахъ у всѣхъ очень высокіе каблуки. Рядомъ для береженія или направо посаженная матерь Царя, Ульяна Федоровна Романова, нальво посаженная матерь Царицы, Феодора Семеновна Сицкая, около нихъ Орина Аврамьевна Михалкова, жена постельничаго Константина Ивановича, несла па блюдѣ кику. Кика считалась «короной замужества, вѣницомъ брачной жизни; поэтому па свадьбѣ вмѣеть сѣ подубрусникомъ, подзатыльникомъ, убрусомъ и волосникомъ она принадлежитъ къ числу брачныхъ женскихъ регалій и занимаетъ среди нихъ первое мѣсто» (Быть Русскихъ Царицъ, 597—598). Кика эта падѣвалась па пеѣвству сѣ молитвою въ Граповитой Палатѣ до вѣница. Она сдѣлана была изъ серебра, украшена рѣсками (длинныя пинти, падающія отъ кики па плечи) изъ Гурмыцкихъ*) зерелъ, кампами въ гнѣздахъ и 12 живыми репьевами, состоявшими изъ золотыхъ чашечекъ па золотыхъ стебляхъ, которые дрожали и колебались надъ головой при малѣйшемъ движениі (тамъ же, 599). Сзади этихъ кикъ прикрѣплялся или цѣльный соболь или задокъ, особый платъ изъ чершаго бархата (тамъ же, стр. 600). За Михалковой толпились боярыни, и шествіе замыкалось длинной вереницей несомыхъ па золоченыхъ блодахъ даровъ царевны, т. е. убрусовъ и ширинокъ, предназначенныхъ для Государя, патріарха, старицы Мароы Ивановны, бояръ и боярынь. Пришедъ въ Граповитую палату, Благовѣщенскій священникъ покропилъ чертожное мѣсто святою водою. Съ слововъ (цилиндрическая подушка) Царевны сняли сорокъ соболей; ихъ дали держать дьяку Андрею Ворѣеву, а Царевну усадили на мѣсто. Рядомъ сѣ цею во избѣженіе пустого мѣста помѣстился князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, поверхъ сорока соболей царя. Свахи всѣ встали возлѣ царевны у стола, а боярыни сѣли по мѣстамъ въ большой лавкѣ за столомъ. Сперва посаженная матерь царя, Ульяна Федоровна Романова, жена Ивана Никитича, за тѣмъ княгиня Феодора Сицкая, посаженная матерь царицы, боярыня княгиня Авдотья Васильевна

*) Гурмыцкое или бурмицкое зерно, крупный жемчугъ; слово это произошло отъ стариннаго названія Персидскаго залива Гурмыскимъ моремъ.

Шуйская, жена Ивана Шуйского, Мареа Михайловна Сулешиева, княгиня Овдотья Дмитриевна Сицкая, Анна Савиновна Бутурлина и Офросинья Никифоровна Бутурлина. Свѣчники, войдя въ палату, стали направо противъ государева мѣста у лавки; а каравайщики и фонарщики стали по лѣвой сторонѣ «по отодвинувся подалъ подъ поставца» (этажерка съ серебряной посудой).

А какъ Государыню посадили на мѣсто, и боярыни сѣли по мѣстамъ, и Государю учинили о томъ вѣсть, черезъ дружекъ, царь прислали въ Грановитую напередъ своего посаженного отца Ивана Никитовича Романова (брать патріарха Филарета, былъ въ 1601 году сосланъ Годуновымъ по ложному доносу въ Пелымъ, гдѣ съ братомъ Василиемъ сидѣли въ одной избѣ прикованные цѣпями къ разнымъ угламъ; въ 1602 году съ нихъ сняты были цѣпи, но Василий былъ уже чуть живъ и скончался вскорѣ, а Иванъ Никитичъ вслѣдствіе этого страдалъ «черною немочью», домъ Романовыхъ Фридебурга). Вмѣсть съ Иваномъ Никитичемъ царь послалъ боярь сидячихъ, князя Ивана Ивановича Шуйского съ товарищами (сидячи бояре—третій чинъ на свадьбѣ, по 12 человѣкъ мужскаго полу и женскаго, которые сидятъ гостями за столами, съ царскимъ отцомъ и матерью вмѣстѣ, а въ церковь съ царемъ не ходятъ. Котошихинъ, стр. 6). Вошелъ Иванъ Никитичъ весь въ золотѣ, помолился святымъ иконамъ на весь начетыре стороны и чelомъ ударивъ Государынъ царевнѣ, сѣль за столъ рядомъ со своею боярынею Ульяной Феодоровной; сѣли и бояре. Посидѣвъ инемного, Иванъ Никитичъ послалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи, боярина князя Данилу Ивановича Мезецкаго и велѣль Государю говорить рѣчъ. И бояринъ князь Данила Ивановичъ, пришедъ, Государю говорилъ: «Государь царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи! Бояринъ Иванъ Никитичъ велѣль тебѣ Государю говорити, прося у Бога милости, время тебѣ идти къ своему дѣлу». И царь и Великий Князь, вставши тутъ, поклонялся святымъ иконамъ и благословяся крестомъ у протопопа Благовѣщенскаго собора, вышелъ изъ золотой палаты, поддерживаемый тысяцкимъ княземъ, Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, и предшествуемый поѣзжанами, дружками, бояриномъ княземъ Иваномъ Никитовичемъ Одоевскимъ съ товарищами и думнымъ дьякомъ Иваномъ Грамотинымъ. Путь передъ Государемъ кропилъ святою водою крестовый недѣльный священникъ. Сзади Государя съ его колпакомъ (низался изъ жемчуга, надѣвался по верхъ шапки) шелъ стольникъ, князь Федоръ Борисовичъ Татевъ, а за нимъ стольники и стряпчие, которые остались за чинами. А чины сва-

дебные уряжалъ думный дьякъ, Иванъ Курбатовъ сынъ Грамотинъ, да Михайло Даниловъ. А поѣзжанъ и дворянъ, которые у царицыныхъ саней, вѣдали и сбирали окольничій князь Данило Ивановичъ Долгоруковъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ. Когда Государь показался на порогъ Грановитой, Царевна и всѣ присутствующіе встали, протопопъ Максимъ сказалъ «достойно есть» и осѣнилъ Государя крестомъ. Государь, поклонившись святымъ иконамъ, пошелъ къ своему мѣсту, съ котораго большой дружко царевій, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, поднялъ князя Якова Черкасскаго и, снявъ лежавшіе на головѣ сорокъ соболей, отдалъ ихъ держать дьяку Андрею Подльсову. Сѣвъ рядомъ съ царевной со стороны Благовѣщенскаго собора, Государь далъ приказаніе всѣмъ занять прежнія мѣста. Стольники внесли тогда яства и поставили въ столы предъ царемъ, царевной и боярами, духовникъ царскій произнесъ молитву Господню, и всѣ, кромѣ молодыхъ, постившихся съ самаго утра до вечера, принялись «для чину» за Ѣду, передъ царемъ же разрѣзывали кушанья, ставили передъ нимъ и вновь принимали со стола недотронутыми (Котошихинъ 7). Посидѣвъ мало, говорилъ протопопъ Максимъ молитву *покровенію главы*, а послѣ того сваха, большая княгиня Олена Алексѣевна Черкасская, взявъ изъ рукъ дьяка Андрея Подльсова сорокъ соболей для опахиванія, стала трижды обносить ими вокругъ головы молодыхъ (Домострой), потомъ взяла лежавшее подъ кикою большое покрывало съ напитымъ на немъ крестомъ, развернула его передъ царемъ и царевною и, завѣшивъ ихъ такимъ образомъ отъ взглядовъ всѣхъ находящихся въ палатѣ, дала держать концы онаго свѣчникамъ, которые встали съ обѣихъ сторонъ чертожнаго мѣста, съ возженными уже громадными свѣчами (ихъ зажгли Богоявленскою свѣчкою, надѣли на нихъ обручи и обернули соболями, Вивліоенка, стр. 7, ч. 13), въ самую минуту начала молитвы. Сваха между тѣмъ окунула гребенокъ въ чару съ медомъ, куда было положено немного хмѣлю да двѣ маковицы (Домострой), которую держала до этого времени дьякъ Дементій Образцовъ, а затѣмъ передалъ ее въ руки другой свахѣ (Вивліоенка) и, нагнувшись подъ растянутое покрывало, стали въ образовавшейся отъ шелковаго платка полутимъ расчесывать волосы царю и, шелковистыя кудри царевны. Потомъ при помощи другихъ свахъ она на всегда запрятала ихъ роскошную красу подъ волосникъ и робко склоненную голову царевны накрыла женскимъ убрусомъ, расшитымъ золотыми дробницами, да жемчугомъ и увѣнчала серебряною кикою съ дрожащими на ней золотыми цвѣтами и сверкающими каменьями; затѣмъ, взявъ концы покрывала изъ рукъ свѣчниковъ, прикрыла имъ съ головы до ногъ царевну. Окончивъ «укручиванье» молодой, княгиня Олена Алексѣевна Чер-

касская осыпала ее и Царя червоцами, макомъ да хмелемъ изъ золотой мисы и опахивала ихъ сорока соболями. Во все это время большой дружко, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, благословясь у отца и матери, разрѣзаль на большомъ столѣ передъ Государемъ перепечу и сырь и укладываль ломти на тарелки вмѣстѣ съ ширинаами и убрусцами, «и бываются тѣ дары шириники тафтяныя бѣлыя, шиты кругомъ золотомъ и серебромъ, около кисти золото съ серебромъ, а иные золото и серебро съ шелкомъ» (Котошихинъ, 8 стр.), а царицынъ большой дружко, Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, подносиль ихъ присутствующимъ. Государю онъ поднесъ особенно богато вышитый убрусецъ (въ Разрядныхъ Дворцовыхъ такъ онъ описанъ: отъ царевны и великой княгини убрусецъ тафтянъ, низанъ жемчугомъ и ширинку и каравай, стр. 773). Къ великому Государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всяя Руси и къ великой Государынѣ инокинѣ Мареѣ Ивановнѣ отъ царевны и великой княжны ходиль съ убрусцомъ съ низанымъ, и съ ширинкою, и съ перепечею, и съ сыромъ, царицынъ большой дружко, бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ. Царицынъ меньшой дружко, князь Романъ Пожарскій, разносиль отъ царевны шириники, каравай и сырь духовнику, отцу и матери царицы, и тысяцкому, и боярамъ, и боярынямъ сидячимъ, и боярамъ, и окольничимъ, которые въ чинахъ и поѣзданамъ, и въ царицыны же хоромы къ боярынямъ, которые въ компатѣ и боярамъ и боярынямъ, которые у постели. Не забыта была свадебными дарами и схимница Дарья, въ миру царица Дарья Колтовская, четвертая жена Иоанна Грознаго; ей послали на Тихвинъ стольника князя Данилу Гагарина съ убрусцемъ, ширинкой, караваемъ и сыромъ.

Послѣ третьей ястыи протопопъ, вставъ изъ за стола, учнетъ говорити по обѣдѣ молитву, и потомъ дружки у отца и у матери учнутъ благословлятися царю съ царевною и съ поѣздомъ идти къ вѣнчанью, и они ихъ благословляютъ; и потомъ отецъ и мать царя и новобрачную благословляютъ образами окладными, обложены золотомъ съ каменьемъ и съ жемчугомъ, и потомъ отецъ и мать, дочь свою взявъ за руку, отдаютъ Царю въ руки и прощаются; а какъ пойдутъ въ церковь, и въ то время въ палатѣ протопопъ благословляетъ каравайниковъ и свѣчниковъ, и свадебныхъ людей, и царя и царевну крестомъ. (Котошихинъ, 11). Царь, взявъ царевну за правую руку, выходить изъ Грановитой при радостномъ звонѣ Кремлевскихъ колоколовъ; «и въ то время учнутъ во всѣ колокола звонить и во всѣхъ церквяхъ Бога молити о здоровье его царскому и о царевниномъ и о сочетаніи законнаго брака» (Котошихинъ, 11).

Когда Грановитая опустѣла, первую скатерть, на которой рѣзали каравай и сырь, снявъ отдали на дворецъ ключникамъ, и велѣно ее беречь запечатавъ, а на столѣ остались двѣ другія скатерти; а подушку Государя, на которой онъ сидѣлъ, положили тогда на царицыно сголовье, а сверху накрыли двумя сороками соболей, а у мѣста для береженія остался князь Андрей Даниловичъ Сицкой, а сорокъ соболей, которыми опахивали молодыхъ, дано держать дьяку Андрею Подльсову. Государь и Государыни, держась за руку, пошли сѣными да лѣстницю, чтоб у Грановитой палаты, гдѣ ожидали ихъ аргамакъ (лошадь Кабардинской породы) для царя и саны для царицы. Весь ихъ путь до саней устилали стряпчие червчатымъ (малиновымъ) атласомъ (этими 45 аршинами пожаловалъ потомъ Государь стряпчихъ князя Дмитрія Александровича Ростовскаго, Петра Никитича Измайлова, Ивана Михайловича Толочанова, Андрея Ивановича Чепчугова, Ивана Азѣева Опухтина, Михайла Ефимова Телепнева). Аргамака держаль подъ узцы ясельничій, Богданъ Матвѣевичъ Глѣбовъ, а на немъ до прихода Государева сидѣлъ конюшій, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ (жениатый на теткѣ Государя Настасіи Никитичнѣ Романовой, скончавшейся 9 Окт. 1655, Борисъ Михайловичъ умеръ 1646; дѣти ихъ Иванъ и Ульяна умерли въ младенчествѣ). Точно также, дожидаясь царевны, сидѣлъ замѣститель и въ ея саняхъ. Богданъ Глѣбовъ подвелъ коня Государя, съ котораго соскочилъ конюшій, и Государь ѿхалъ къ Пречистой Богородицѣ площеадью, а передъ нимъ верхами 40 человѣкъ поѣзжанъ стольниковъ и дворянъ. Кравчій князь Василій Яншинъ, мурзинъ сынъ Сулемешевъ, стольники Борисъ и Глѣбъ Ивановичи Морозовы, Иванъ Михайловичъ Шеинъ, князь Федоръ Семено维奇ъ Куракинъ, Иванъ Васильевичъ Морозовъ, Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, князь Петръ Калмурзинъ Урусовъ, князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовской, князь Иванъ Никитичъ Хованскій, князь Михайло Петровичъ Пронской, князь Иванъ Борисовичъ Татевъ, Левъ Аѳанасьевичъ Плещеевъ, князь Юрій Андреевичъ Сицкой, князья Петръ да Борисъ Александровичи Репнинны, князья Петръ да Феодоръ Дмитріевичи Пожарскіе, князь Иванъ Михайловичъ Кашинъ, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, князь Матвѣй Васильевичъ Прозоровской, Феодоръ Матвѣевичъ Бутурлинъ, Петръ Григорьевичъ Очинъ-Плещеевъ, Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, князь Никита Ивановичъ Егуновъ-Черкасской, Тимоѳей Феодоровичъ Бутурлинъ, Степанъ Яковлевичъ Милуковъ, князь Юрій Андреевичъ Звенигородской, Исаакъ Семеновичъ Погожевъ, Григорій Григорьевичъ Образцовъ, князь Иванъ Ивановичъ Ромодановской, Григорій Алексѣевичъ Зюзинъ, Семенъ Артемьевичъ Измайловъ (послѣ пораженія подъ Смоленскомъ и казни отца и брата

Василія, быль битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму), князь Феодоръ Андреевичъ Хилковъ, молодой Феодоръ Михайловичъ Толочановъ. Изъ дворянъ въ поѣздѣ были: князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовской, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, Павель Волынскій, Иванъ Васильевичъ Измайлова, Яковъ Михайловичъ Боборыкинъ. А за ними ѿхали дружки и тысяцкой совсѣмъ передъ Государемъ съ боку, Борисъ Михайловичъ Лыковъ и ясельничій Богданъ Глѣбовъ шли пѣшими подлѣ коня Государя. За Государемъ въ большихъ и нациоскихъ саняхъ, обитыхъ золотыми атласами, слѣдовала царевна, подушки въ саняхъ были изъ малиноваго Турецкаго атласу съ золотыми по немъ травами съ бѣлыми, зелеными и лазоревыми кубиками, цѣнистю въ 100 р., однихъ соболей на обивку пошло на 1145 р. (Матеріалы въ Бытѣ Р. Цариць, стр. 69). Противъ Государыни, которая была завѣшана покрываломъ, сидѣли четыре свахи. За санями шелъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волконской, дьякъ Иванъ Волотниковъ, да дворянъ Московскихъ сверстныхъ 23 человѣка: князь Алексѣй Васильевичъ Пріимковъ-Ростовской, Федоръ Семеновъ сынъ Пушкинъ, князь Лука Осиповичъ Іщербатой, князь Семенъ Звенигородской, князь Николай Петровичъ Борятинской, князь Романъ Ивановичъ Гагаринъ, Тимоѳей Измайлова, Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ, Федоръ Кирилловичъ Плещеевъ, князь Семенъ Никитичъ Гагаринъ, Томило Юдинъ Луговской, князь Федоръ Ивановичъ Волконской, Иванъ Константиновъ Карамышевъ, Ефимъ Григоріевичъ Телепневъ, Степанъ Ивановичъ Волынской, Степанъ Осиповичъ Караполовъ, Николай Никитичъ Новокщеновъ, Иванъ Романовичъ Безобразовъ и шесть Стрѣшневыхъ, всѣ родичи царицы. Сергій Степановичъ ея родной дядя по отцу (въ 1615 году воеводою, въ Алексинѣ, въ 1627 въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ въ этомъ году), Илья Аѳанасьевичъ, двоюродный братъ ея отца (въ 1615 году осадный голова въ Мещовскѣ), Матвѣй Федоровичъ (назначенъ въ 1618 г. защищать Новодѣвичій монастырь въ 1627 и 1629 воеводою въ Костромѣ), Максимъ Федоровичъ (брать Матвѣя Федоровича, воевода въ 1627 въ Козьмодемьянскѣ въ 1635 на Устюгѣ Великомъ), Степанъ Федоровичъ (назначенъ въ 1627 въ Воронежѣ замѣстить умершаго тамъ Сергія Степановича), Иванъ Филипповичъ (Устюжскій воевода въ 1609, въ 1629 воевода на Вагѣ, женатъ на Ульянѣ Ильиничнѣ). А съ ними для береженья, чтобы никто межъ государя и государыни пути не переходилъ, шли царицыны дѣти боярскіе 20 человѣкъ. Подъѣхавъ къ Благовѣщенскому собору, государь «сѣсть съ коня на мостки, а Государыня вышла изъ саней, и они вошли боковыми дверьми, чтѣ отъ Архангельскаго собора. Свахи большія держали царицу подъ руки, младшія слѣдовали за нею. Ты-

сяцкой и дружки предшествовали государю, а бояре вошли вслѣдъ за нимъ. Войдя въ соборъ, царь съ царевною встали противъ царскихъ дверей на мѣстѣ вынесенного для этого случая амвона. Князь Федоръ Сицкій постлалъ имъ подъ ноги 3 аришина камки червчатой куфтеры, сложенной вдвое и покрытой сорокомъ соболей, связанныхъ по двадцати соболей головами вмѣстѣ. Передъ начalomъ царевну раскрыли (Котошихинъ), и Благовѣщенскій протопопъ Максимъ соборне съ двумя ключарями и протодіакономъ приступили къ обрученію царя и царицы. На клиросѣ пѣли дѣяки строками. Съ государевыми свѣчами стояли на право противъ патріаршаго мѣста, а съ караваями налево около крылоса. Вино Фрязское держали въ склянцахъ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, которое принесли за нимъ въ соборъ два погребныхъ ключника въ золотыхъ каftанахъ и наливали въ склянцу съ отливкою (воронкою). Выпивъ трижды вино, Государь не растопталъ склянцы ногами по старинному обычаю, а велѣль взять въ алтарь протопопу. Послѣ вѣнчанія молодые сѣли на лавку у лѣваго клироса, крытую золотымъ Кизилбашскимъ (Персидскимъ) ковромъ, на два столовья изъ малиноваго бархата въ золотыхъ разводахъ, которыя съ большими торжествомъ были внесены въ соборъ до вѣнчанія; въ ногахъ ихъ были двѣ колодочки (скамейки) обитыя кѣтчатой парчей, и научаль ихъ государей Благовѣщенскій протопопъ Максимъ по священному преданію и, совершивъ поученіе, взяль царицу за руку и отдать ее мужу и велѣль имъ межъ себѣ учинити цѣлованіе и по цѣлованію царицу покроютъ (Котошихинъ стр. 8), послѣ чего протопопъ и свадебный чинъ здравствовали ихъ вѣнчавши, а дѣяки пѣвчиѳ пѣли царю и царицѣ многоглѣтіе «демествомъ большос.» Во все время вѣнчанія побѣжане разъѣзжали на площади; на аргамакѣ государя сидѣть конюшій князь Лыковъ, а на царициномъ мѣстѣ въ саняхъ Григорій Константиновичъ Волконской, а царицыны дѣти боярскіе берегли путь и никому не давали переходить межъ государевымъ конемъ и царициними санями. А по поздравленіи протопопъ разоблачась идетъ изъ церкви вонъ и весь свадебный чинъ; а царь, взявъ свою царицу за руку и вышелъ съ нею боковыми дверями садится на аргамака, а она въ сани со свахами, а путь Государю и государынѣ до аргамака и до саней слали стряпчіе алыми камками. Подъѣхавъ къ Грановитой, царь спѣшился у лѣстницы и взявъ царицу за руку шелъ съ нею тою лѣстницею до Грановитой, устланной червчатыми атласами, а на аргамака сѣль конюшій князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и поѣхалъ къ сѣннику (брачная опочивальня царя) и ѿздили около сѣнника въ то время, какъ государь былъ тамъ съ голымъ мечомъ, а на царицино мѣсто въ сани сѣль ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ ихъ на конюшню. А свѣ-

чи и каравай несли передъ государемъ во Грановитую и поставили на прежнихъ мѣстахъ. Въ сѣнихъ у дверей духовникъ благословилъ царя съ царицею крестомъ, и тысяцкій послать дружку напередъ къ родителямъ царя и царицы, и къ сидячимъ боярамъ и боярынямъ, которые во время вѣнчанія собирались всѣ въ Грановитую извѣстить ихъ, что царь съ царицею вѣнчались въ добромъ здоровьи и идутъ къ нимъ, а они отвѣчаютъ, что они пришествіе ихъ ожидаютъ, а сказавъ, дружка воротится и скажетъ ихъ рѣчи тысяцкому и «какъ царь идеть изъ церкви въ хоромы и въ то время бываетъ звонъ во всѣ колокола.» Передъ входомъ въ Грановитую, протоіерей «вновь благословляетъ всѣхъ крестомъ и въ тоже время отецъ и мать царскіе царя и царицу благословляютъ иконами окладными, и потомъ отцы и матери бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ вѣнчався» (Котопихинъ 12). Царь съ царицею, сѣвъ на чертожное мѣсто, вѣлѣли боярамъ и боярынямъ занять свои, и посль того приказалъ государь передъ собой въ столы ставить яства и подавать вина Фряжскія. Посль третьаго блюда передъ молодыми поставили «куря верченое» жареную курицу, и большой государевъ дружка, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаской, взявъ блюдо въ руки, положивъ на него еще перепечу (сдобный куличъ) и солонку, обернула все скатертью и отнесъ къ сѣнику, гдѣ отдалъ все боярину Феодору Ивановичу Шереметеву. Посль того государь, вставъ изъ-за стола, взялъ государыню за руку и шель къ сѣнику, а съ пятью тысяцкими, дружками и свахи всѣ. Иванъ Никитичъ Романовъ провожалъ его до дверей палаты, и, вставъ въ дверяхъ, говорилъ рѣчи: «Великій государь царь и великий князь Михайлъ Феодоровичъ всея Русіи самодержецъ. Повелѣмъ всемогущаго и всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по благословенію отца своего, великаго государя святѣйшаго патріарха, Филарета Никитича Московскаго, и всея Русіи и матери своей великія государыни икоини Марои Ивановны, изволилъ ты государь, по преданию апостольскому и святыхъ отецъ правиламъ, сочтатися законному браку въ наслѣдіе вѣчно вашему царскому роду, во обладаніе великихъ государствъ вашихъ, а поняти за себя царицу и великую княгиню Евдокію Лукьянину. И ты великій государь свою царицу и великую княгиню Евдокію, а нашу государыню пріемли и держи, какъ человѣколюбивый Богъ въ законѣ нашей истинной православной Христіанскої вѣры устроилъ и апостолы и отцы предади». А изговоря поклонился, а образы государя и государыни не благословилъ. Бояре и боярыни сидячіе провожали государя и государыню до сѣника. Свѣчи и каравай несли передъ ними и поставили свѣчи въ сѣникѣ обѣ вмѣстѣ въ одну кадь во пшеницу у постели въ головахъ, а обручей со свѣчью не снимали три дня, а какъ отошли три дня, свѣчи

вмѣстѣ свили и поставили въ церкви къ мѣстнымъ образамъ. Везде по пути государя въ хоромахъ и въ сѣняхъ па всѣхъ четырехъ стѣнахъ поставлено было по иконѣ въ серебряномъ окладѣ. Передъ входомъ въ сѣнникъ Ульяна Феодоровна Романова, посаженная мать, надѣла па себя соболью шубу шерстью вверхъ, и изъ другой мисы осыпала молодыхъ хмелемъ, макомъ, золотомъ и парчевыми лоскутами (Олеарій говорить на страшицѣ 207, что эти платочки тоже высыпались па голову), и кормили свахи больнія да дружки молодыхъ жареною курицею (Вивліоѳика, стр. 12).

Проводя государя, посаженные отны, тысяцкой, дружки и бояре пошли въ Грановитую палату и сѣли бояре за столъ по правую руку, а побѣждане и дворяне по лѣвую. Посаженная же матери и боярыни пошли въ царицыны хоромы.

По старинному обычай опочивальня молодыхъ была устроена въ пежиломъ, петопленномъ помѣщениѣ и называлась сѣнникомъ или подклѣтомъ; всѣ въ немъ стѣны были обиты богатыми золотными коврами, по всѣмъ четыремъ сторопамъ поставлены иконы съ шитыми жемчугомъ застѣнками (пеленами), а надъ дверьми сѣнника впутри и съ падворья и надъ всѣми окнами золотые кресты съ мощами. Постель па ржавыхъ спонахъ стояла палѣво, въ головѣ ея иконы, царскія шапки и кадушка съ огромными восковыми свѣчами. Не знаемъ, были ли по всѣмъ четыремъ угламъ воткнуты стрѣлы и повѣшены на нихъ соболя да по одному калачу и стояли ли по всѣмъ лавкамъ по угламъ оловенники съ медомъ, какъ было принято дѣлать за сто лѣтъ ровно передъ тѣмъ на свадьбѣ Василія Ивановича, но такъ какъ всѣ остальные обычай ни въ чемъ не измѣнились, то можно предположить, что и этотъ исполнили. (Вивліоѳика, ч. 13, стр. 11).

Сѣнникъ устраивали, подбивали коврами и были для сбереженія бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, да окольничіе Левъ Ивановичъ Толматовъ-Карповъ и царицынъ отецъ Дукьянъ Степановичъ Стрѣшиневъ. Они же стлали вмѣстѣ съ дружками, свахами и спальницами государеву постель; всѣ припадлежности для нея торжественно были привезены изъ царицыной мастерской палаты въ предпостѣніи воздвигального креста и двухъ иконъ, Рождества Христова и Рождества Пречистыя Богородицы. Крестъ и иконы поставили у постели въ головахъ рядомъ съ образомъ Богоматери письма чудотворца Петра митрополита Московскаго, въ главахъ же помѣстили лавку съ двумя сголовьями, а на нихъ царскія шапки да рядомъ кадушку съ пишницей, въ которую были воткнуты трехпудовая свѣча государя и двухпудовая

государыни съ золочеными обручами; въ ногахъ постели (вѣроятно тоже на скамью) постлали коверь да одѣяло, да шубу соболью и все покрыли простыней. Самую постель постлали на двадцати семи ржаныхъ спонахъ, сверхъ споновъ положили семь перинъ, семь бумажниковъ (перинъ набитыхъ ватой), головой бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ и покрыли одѣяломъ изъ лазореваго атласу въ золотыхъ разводахъ съ жемчужною бахромою (гривою), нанизанною па малиновый атласъ, въ гривѣ были перемѣшены цвѣтныя каменья лалы, яхонты и изумруды (Быть Русскихъ Царей, 204).

Съ минуты вступленія государя въ сѣнникъ во всю ночь до разсвѣта князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ ѿздили на царскомъ аргамакѣ съ мечомъ на голо вокругъ сѣнника и близко къ тому мѣсту никого не допускаль.

И послѣ того по времени велѣль государь бояръ посаженныхъ отца и мать тысяцкаго, дружекъ, свахъ и боярынь ближнихъ, которыя въ комнатѣ и которая у постели, позвать къ себѣ. Государь вышелъ къ нимъ въ сѣни, и ему принесли кушанье легкое изъ приказныхъ блюдъ, ибо царь и царица весь тотъ день постили (Котошихинъ) и кромѣ жаренаго куска курицы ничего не єли. И кормили государя въ сѣняхъ посаженные отецъ и мать и бояре ближніе; а къ молодой царицѣ въ сѣнникъ вошли мать ея Анна Константиновна, двѣ родственницы, жены двоюродныхъ дядей, Ирина Прокофьевна жена Василія Ивановича Стрѣшнева, Ульяна Ильинична жена Ивана Филипповича; красавица Авдотья Васильевна Черкасская, жена Ивана Борисовича, двоюроднаго брата государя и тысяцкаго, двѣ тетки государевы, сестры патріарха Филарета, вдова Ирина Никитична Годунова и книгиня Настасья Никитична Лыкова, жена Бориса Михайловича, исполнявшаго должность конюшаго, Марья Петровна Шереметева, жена јеодора Ивановича, княгиня Марья Ивановна Пронская. И кормили государыню въ сѣнникѣ.

А. Милорадовичъ.

Село Ивановка,
1897 года 4 Октября.